

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Степаненко Т. Л., Федоренко Л. В. Научная интеллигенция Украины в 20 – 30-е годы // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20 – 80-е годы XX века). – Т. 2. – Харьков, 1995 – С. 325 – 331.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **e-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автори монографії

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

Т. Л. Степаненко, Л. В. Федоренко

НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ УКРАИНЫ В 20-30-Е ГОДЫ

20-е годы в Украине - период нэпа и украинизации - характеризуются значительным оживлением научного развития. Идет процесс становления Академии наук, которая до 1936 г. называлась Всеукраинской (ВУАН), в ее стенах особое развитие получают гуманитарные направления. Первый состав академиков был представлен учеными, отличительной чертой которых являлась высокая общественная активность: Н. П. Василенко, С. А. Ефремов, А. И. Крымский и др. С этим периодом совпало возвращение в Украину М. С. Грушевского и ряда исследователей из Западной Украины (С. Рудницкого, А. Крушельницкого и др.), которые поверили в способность Советской власти обеспечить социалистическое или государственное развитие Украины. Это было также время неприкрытого советофильства в Научном товариществе им. Т. Г. Шевченко (НТШ) со стороны многих украинофилов, которые удостоились академических титулов ВУАН (К. Студинский, Ф. Колесса, В. Щубат, М. Вознюк и др.). Тогда же вышло немало периодических изданий Академии наук на украинском языке. Появился ряд фундаментальных монографий М. Грушевского, С. Ефремова, А. Крымского, Д. Багалея, Е. Тимченко, А. Лободы. Наметился расцвет других наук в рамках физико-математического и социально-экономического отделов Академии. Началась принципиальная разработка проблем литературного языка и правописания¹. Правда, в начале 20-х годов научный потенциал республики в целом был не очень велик. Большинство ученых совмещало научную работу с преподавательской. В 1921 г. в научных учреждениях и высшей школе работало 2500 научных сотрудников, профессоров и преподавателей². Тем не менее молодая украинская наука набирала силы.

Однако уже в начале 20-х годов на глазах всего мира открывается трагическая страница вражды новой политической системы к научной интеллигенции. Преследуется старая, дореволюционная интеллигенция, представители которой отличались

1 Вісник АН України, 1991, № 10, с. 12-13.

2 Изменения социальной структуры советского общества. 1921 в середине 30-х годов. М., 1972, с. 298.

независимостью взглядов и до установления Советской власти состояли в какой-либо непролетарской партии. Так, в сентябре 1923 г. неожиданно был арестован ГПУ академик Н. П. Василенко - второй после Вернадского президент ВУАН (1921-1922), а затем - председатель социально-экономического отдела Академии¹. В апреле 1924 г. Николай Порфирьевич был осужден по делу так называемого «контрреволюционного Киевского областного центра действий». На процессе ему припомнили его прежнюю принадлежность к партии кадетов, участие в правительствах Центральной рады и П. П. Скоропадского. В действительности вся «вина» Василенко сводилась к тому, что он одобрительно отнесся к идее издания за границей научно-общественного журнала, который бы освещал события на Украине объективно - как без эмигрантской клеветы, так и без упрощенных представлений, бытовавших в советской печати. К счастью, в феврале 1925 г. приговор был пересмотрен, и Василенко продолжал свою научную деятельность (умер 3 ноября 1935 г.)². Однако власть показала (на примере с ним и другими учеными), что отныне какая-либо оппозиция, даже в профессиональных вопросах, даже в лояльнейших формах, приравнивается к контрреволюционной деятельности.

Где же истоки этой политики, которая со временем приняла еще более чудовищные формы и приобрела колоссальные масштабы? Для ответа на данный вопрос полезно обратиться к работам Сталина, которые дают представление о принципиальных взглядах вождя и утвердившейся со временем административно-командной системы на процессы социалистического строительства и развитие научного знания. 4 февраля 1931 г. в речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности Сталин, например, заметил: «Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупную социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь строительства социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой (подчеркнуто нами - Т. С. и Л. Ф.). И когда мы сделаем это, у нас пойдут такие

1 Очерки естествознания и техники, 1989. вып. 37, с. 105-106.

2 Ученый написал около 500 различных по жанру работ. Классическими и до сих пор во многом непревзойденными стали осуществленные им издания памятников права Украины. - Под знаменем ленинизма, 1990, № 4, с. 81.

темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать»¹. Анализируя это и подобные им высказывания Сталина, замечаешь удивительную вещь: он верил в то, что задачи построения социализма в своей основе просты, что наука в этом процессе - дело второстепенное и «овладеть» ею нетрудно. Всесильным инструментом познания Сталин считал догматизированный им до крайностей марксизм. Это позволило ему установить монополию на истину во всех сферах научного знания, ярким подтверждением чего служит провозглашение вождя гениальным языковедом. Власти не нужна была реальная наука. Логическим результатом субъективистских взглядов на науку стали упрощенные подходы к проблемам ее развития. Со временем на руководство наукой выдвигались те, кто возглавлял командно-административную систему, - партийные и государственные бюрократы. Они считали, что лучше ученых знают, как развивать сокровенные знания, оценивать научную деятельность. Тонкие вопросы о научных традициях, об интеллектуальном творчестве, о взаимоотношении между интеллигенцией и властью для них не существовали. Развернулся процесс идеологизации не только общественных, но и естественных наук, наблюдалось извращенное толкование критерия практики. Появилась тяга, описанная еще Н. Бердяевым в «Вехах», делить науку на «левую» и «правую», «пролетарскую» и «буржуазную»², а затем и расправляться с инакомыслящими. Ученые предстали перед властью как «враги народа», безосновательно обвинялись во «вредительстве»; а украинская интеллигенция - вдобавок и в буржуазном национализме.

Уже к середине 20-х годов украинские ученые в полной мере испытали на себе уничтожающую силу сталинской карательной системы. Существенно изменилась обстановка во Всеукраинской Академии наук. Постепенно ограничивалось ее самоуправление, все осязаемое становилось давлением аппарата Наркомпроса, в ведении которого она находилась, усиливалось грубое некомпетентное вмешательство властей во внутриакадемические дела. Секретарь Академии А. А. Крымский в письме к В. И. Вернадскому так характеризовал обстановку в ВУАН в 1926 г.: «Началась закулисная интрига, стремление наводнить Академию людьми, мало причастными к науке, но зато несомненными украинскими шовинистами. Наряду с этим развивалась система политических доносов в Харьков, обвинения Ефре-

1 Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 41-42

2 Вехи. М., 1909, с. 11.

мова, Василенка и др. в политической неблагонадежности и тому подобная мерзость»¹. А с конца 20-х годов сталинщина развернула фронтальное наступление на сферу гуманитарных знаний с применением уже отработанной (на опыте «Шахтинского дела» 1928 г.) методики о «вредительстве». Первые серьезные утраты украинская гуманитарная наука понесла в 1930 г., когда в УССР прошло лжесудилище над участниками якобы существовавшей «Спілки визволення України» (СВУ), в которую будто бы входили многие интеллигенты во главе с историком М. Грушевским. 45-ти жертвам спровоцированного политического процесса инкриминировалось раздувание буржуазного национализма, внедрение чуждой культуры, «вредительство в деле развития национального украинского языка», даже «агентурная работа по заданиям контрразведки некоторых государств»². Главными действующими лицами «СВУ» были объявлены академики С. А. Ефремов³, З. Марголис. В мифической организации оказались также историк И. Гермайзе, научный сотрудник ВУАН, редактор «Словника живої мови» Г. К. Голоскевич, преподаватель Киевского института народного просвещения, научный сотрудник ВУАН Г. Г. Холодный и др. Подсудимыми были те люди, трудами которых возрождались украинская духовность, язык, литература, кто воспринял лучшие гуманистические традиции русской и западноевропейской культуры. Как верно заметил Ю. И. Шаповал, большинство обвиняемых по делу СВУ, представляя интеллектуальную оппозицию режиму, отнюдь не были контрреволюционной организацией⁴. Кроме энциклопедических знаний, они имели свои убеждения и весьма критично относились к Советской власти.

Вслед за процессом СВУ и последовавшими за ним «чистками» начинается развернутое наступление сталинизма по всему фронту, что означало и «наступление против капиталистических элементов». Основные задачи по его организации были сформулированы Сталиным на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г.⁵ На съезде прямо говорилось, что репрессии являются необходимым, хотя и не главным элементом «социалистического строительства»⁶.

1 Очерки истории естествознания и техники, 1991, вып. 39, с. 134.

2 Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988, с. 277.

3 Список его публикаций насчитывает более 2000 названий. - Очерки истории естествознания и техники, 1991, вып. 39, с. 135.

4 Шаповал Ю. І. У ті трагічні роки. Сталінізм на Україні. К., 1990, с. 87.

5 Сталин И. В. Соч., т. 12, с. 305.

6 Там же, с. 308.

В соответствии с партийными установками маховик репрессий раскручивался. В 1931 г. по делу так называемого «Українського націоналістичного центра» были привлечены два выдающихся деятеля украинской науки - академик М. С. Грушевский и М. И. Яворский. Первому отводилась роль руководителя «центра» (припомнили, что в прошлом он был председателем Центральной рады). В конце концов (август 1933 г.) дело Грушевского было прекращено. Яворский же был осужден и в ноябре 1937 г. расстрелян.

Отличительной особенностью начала 30-х годов является масштабность в наступлении тоталитарной власти на украинскую интеллигенцию: террор становится всеохватывающим, ведется на все отрасли украинской науки. Общие установки XVI съезда ВКП(б) по проведению репрессий конкретизируются официальными партийными изданиями, в частности журналом «Большевик». В 1931 г. в журнале была опубликована статья Э. Кольмана «Вредительство в науке». В ней указывалось, будто «научное вредительство буржуазной профессуры не ограничилось сферой общественных наук», а захватило технику, естествознание, математику. Теплотехника и теория холодильного дела, экономгеография и горное дело, техника высоких напряжений и микробиология, счетоведение, статистика и ихтиология - все они стали поприщем вылазок вредителей, имеющих две цели: во-первых, «научно оправдать» их собственную практику, во-вторых, «овладеть подготовкой подрастающей смены работников науки и техники»¹. В статье намечалась развернутая программа тотального уничтожения научных кадров.

Всю разрушительную силу бессмысленного сталинского террора украинская наука ощутила на себе в середине 30-х годов, особенно в 1933-1934 гг. В подобном развитии событий была своя логика: уничтожение научной интеллигенции как «врага народа» должно было оправдать собственные просчеты власти в сфере индустриализации и коллективизации, стать ширмой голодомора 1932-1933 гг. Вредителей искали и находили в народном хозяйстве и на прилегающем к нему «теоретическом фронте». Так, драматические погромы пережил Харьковский институт народного хозяйства: его директор, вице-президент ВУАСХН А. М. Слипанский был репрессирован как «открытый контрреволюционер и националист», а в результате проведенной «чистки» научного состава института численность его со-

1. Большевик, 1931, № 2, с. 74.

кратилась на 40 %. Аналогичная судьба постигла сотрудников Харьковского зоотехнического института (руководитель А. М. Мизерницкий). Затем последовала чистка Всеукраинской академии сельскохозяйственных наук и увольнение из нее академика А. М. Слипанского, а также 7 членов президиума (из 9) как «потерявших бдительность и неоправдавших доверия партии». Были уволены директора институтов: защиты растений, зернового, лесного и института совхозного строительства, проведена «чистка» ВУАСХН. В результате из 8 научных институтов и одной исследовательской кафедры ВУАСХН было выброшено 165 человек, из них 130 - научных работников (19 из них - руководители кафедр)¹. В 1933-1934 гг. чистки прошли и в аграрном институте Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институтов (ВУАМЛИН). Развязка наступила, когда в 1933 г. с гибелью Н. А. Скрыпника было покончено с политической украинизацией и началась охота за реальными и мнимыми его сторонниками. Процесс «добывания остатков отмирающих классов» быстро охватил все другие группы научной интеллигенции. «Контрреволюционерами» и «шпионами» были объявлены ведущие специалисты и талантливые молодые ученые, в частности, директор Института советского строительства и права ВУАМЛИН М. М. Романюк, научный сотрудник ВУАМЛИН и профессор Института красной профессуры М. В. Чичнева, заместитель директора библиотеки ВУАМЛИН В. А. Бойко и многие другие². В ноябре 1933 г. сталинский заместитель в Украине Постышев подвел такой итог: «За этот месяц было вычищено более 2 тыс. человек националистических элементов из системы Наркомпроса, более 300 научных и редакторских сотрудников... Только по двум системам... по кооперации и заготзерну - мы вышибли свыше 1000 человек». Репрессии, носившие массовый характер, не щадили ни ученых старой школы, ни специалистов, овладевших марксистской методологией; ни деятелей национальной науки, ни интернациональные научные силы. Террор не знал границ, был интернациональным. Он поглощал лучшие духовные силы культуры и в последующие годы. Волна репрессий 30-х годов прервала кипучую деятельность академика ВУАН С. Л. Рудницкого (1877-1938) - выдающегося географа и картографа, первооткрывателя украинской географии, создателя соответствующей терминологии;

1 Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. К., 1992, вип. 2, с. 94.

2 Шаповал Ю. І. Указ. праця, с. 108, 109.

Е. В. Оппокова (1869-1938) - одного из основоположников гидрологии, организатора Научно-исследовательского института водного хозяйства Украины и метеорологической службы республики¹ и многих-многих других. Поистине 20-30-е годы стали периодом «расстрелянного возрождения» украинской науки.

Не ограничиваясь уничтожением массы научных специалистов, тоталитаризм и оставшимся не давал работать по их усмотрению. В начале 30-х годов прекратили свое существование серийные издания ВУАН в области гуманитарных наук. Впервые началась характерная для всего последующего периода практика избрания в Академию партийных деятелей. В обществе распространялось нигилистическое представление об ученых как «грамотеях», к ним культивируется неприязнь, их образ приобретает карикатурный характер человека в «очках и шляпе», начинается апологетика «простого» человека, который «в университетах не обучался». В конце 30-х годов, когда науку объявили консервативной, члены ВУАН должны были отчитываться в рабочих коллективах, а на выборах в Академию кандидатуры выдвигались и обсуждались рабочими, крестьянскими коллективами, организациями, которые не имели непосредственного отношения к науке. Тоталитарное государство изменило систему подготовки специалистов, которая была сориентирована в основном на производство, во вред гуманитарной науке. От новой, советской интеллигенции требовалась марксистская четкость ее идейных позиций. Такова лишь часть фактов, дающих представление о преступной политике тоталитарного режима в отношении научного потенциала республики. Но сталинищина оказалась не властной над подлинным интеллигентом. С изменением ситуации он начал возрождаться.

¹ Очерки истории естествознания и техники, 1989, вып. 37, с. 112, 113.